

ПѢСНИ
ИЗЮМСКИХЪ ГУСАРЪ.

ЧУЖБИНА
1937

П Ъ С Н И
ИЗЮМСКИХЪ ГУСАРЪ.

ИЗДАНИЕ ПОЛКОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
Ч У Ж Б И Н А
1937

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

27 іюня — 10 іюля 1936 года исполнилось 285 лѣтъ со дня зарожденія, во дни Тишайшаго Царя Алексѣя Михайловича, Изюмскаго Слободскаго Казачьяго, — нынѣ Изюмскаго Гусарскаго Генерала Дорохова — полка.

Разсѣянные по чужимъ краямъ, но „и въ разсѣяніи — едины“, — скромно, но проникновенно отмѣтили Изюмцы эту годовщину.

Въ посильное ознаменованіе ея — и эти „Пѣсни Изюмскихъ Гусаръ“. Не мало пѣсенъ утратило за эти годы. Трудно писать въ наши дни, но трудно и молчать. Каждому времени — свои пѣсни. Здѣсь и пѣсни славнаго и милаго прошлаго, и пѣсни Русскаго горя и тяжкаго изгнанія, — скорбныя, — могутъ ли быть онѣ иными въ страданіяхъ за Родину и вдали отъ Нея? — но и полныя жаркой вѣры, что Россія воскреснетъ!

Сборникъ этотъ построенъ въ порядкѣ хронологическаго расположенія произведеній его авторовъ.

„Пѣснямъ Изюмскихъ Гусаръ“ сопутствуютъ „Пѣсни Друзей“, заключающія эту книгу.

Да будетъ она неразлучной спутницей каждаго Изюмца на его пути къ Россіи.

Изображеніе Штандарта, дарованнаго полку 85 лѣтъ тому назадъ Императоромъ Николаемъ I-мъ къ 200-лѣтнему его юбилею, воспроизведено изъ полковой памятки „Славное Прошлое Изюмскихъ Гусаръ“. Пусть, въ испытаніяхъ настоящаго, эта страница будетъ постояннымъ призывомъ къ славному будущему.

Портретъ Вѣчнаго Шефа полка, Генерала И. С. Дорохова, да послужитъ и вѣчнымъ напоминаніемъ о рыцарскихъ завѣтахъ этого легендарнаго Изюмскаго гусара.

Изюмцы временъ Императоровъ Павла I-го и Николая I-го взяты изъ собранія гравюръ полковаго Музея.

Если эта книга обрѣтетъ друзей, которые найдутъ въ ней отзвуки родного, — заглянуть съ нею въ красоту прошлаго, раздѣлять скорбь о настоящемъ, но и пріобщатся къ бодрости и горячей вѣрѣ Изюмцевъ въ воскресеніе Россіи, — большаго не ждуть эти, можетъ быть не всюду стройныя, но отъ сердца спѣтыя, пѣсни.

1936.

И въ разсѣяніи — едины.
Девизъ Полкового Объединенія.

ИЗЮМЦАМЪ

въ день 200-лѣтняго юбилея.

Есть на Руси полки лихіе —
Недаромъ слава ихъ громка:
Но нѣтъ у матушки Россіи
Славнѣй Изюмскаго полка!

Тебѣ, храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ,
Тебѣ, нашъ полкъ, тебѣ привѣтъ!
Пусть доживетъ временъ позднѣйшихъ
Могучій громъ твоихъ побѣдъ!

Ужъ двѣсти лѣтъ твои знамены
Ведутъ къ побѣдѣ на враговъ
Лихіе сотни, эскадроны
Твоихъ воинственныхъ сыновъ!

Какими дальними землями
Къ побѣдамъ ты не проходилъ?
Какими свѣтлыми водами
Коней своихъ ты не поилъ?
Какія битвы не видали
Твоихъ знаменъ? какихъ полей
Шипы стальные не топтали
Твоихъ стремительныхъ коней?
И въ черной шапкѣ, съ пикой длинной,
Въ казачьемъ синемъ чекменѣ,
Брянча винтовкою старинной,
На пышно-гривомъ скакунѣ —

Ты такъ же мчался легче лани,
И билъ враговъ въ своихъ степяхъ,
Какъ и въ червонномъ доломанѣ,
Съ булатной саблею въ рукахъ.

Вездѣ, гдѣ только межъ рядами
Свистѣлъ губительный металлъ,
Гдѣ только кровь лилась рѣками —
Вездѣ ты былъ и побѣждалъ.

Въ Лиманъ въ челнахъ своихъ спускал-
Громилъ поляковъ и татаръ [ся,
И шумной лавою вривался
Въ ряды свирѣпыхъ янычаръ.

Вездѣ коней твоихъ видали,
Баранью шапку на бекренѣ
И бранный блескъ дамасской стали,
И кровью залитый чекмень.

Не разъ врубался въ батальоны,
Слеталъ на пушки, какъ Перунъ
И опрокидывалъ колонны
Наполеоновскихъ драгунъ.

Вездѣ твой ментикъ темно-синій
И твой червонный доломанъ
Грозой мелькали между линій
Враговъ всѣхъ націй и всѣхъ странъ.

То за Днѣпромъ, не зная страха,
Ты штурмовалъ Кизы-Кермень;
То билъ отряды Шлиппенбаха,
Среди лифляндскихъ деревень;

То жогъ аулы Дагестана,
Громилъ воинственныхъ Донцовъ,
Иль отражалъ Дундука-Хана,
Вождя калмыцкихъ удалцовъ;

Былъ подъ Лѣснымъ и подъ Полтавой,
Сражался съ прусскимъ королемъ,
И за Кагулъ металъ за славой
Съ Екатерининскимъ орломъ;

То зимовалъ у стѣнъ Азова,
То мчался въ бой, взметая прахъ,
Съ войсками Фридриха Второго,
На Егерсдорфскихъ высотахъ.

Пултускъ, Эйлау и Балканы,
И партизанскіе бои,
И Бородинскіе курганы
Штандарты видѣли твои,

И даже разъ Парижъ смятенный
Въ своихъ прославленныхъ стѣнахъ
Видалъ твой доломанъ червонный,
Твой синій ментикъ въ галунахъ.

И сколько храбрыхъ и извѣстныхъ
Вождей въ бояхъ тебя вели,
И сколько подвиговъ чудесныхъ
Въ скрижали исторіи внесли!

И Квитка, въ битвахъ посѣдѣлый,
Капнистъ, Шидловскіе — бойцы,
И Краснокутскій — воинъ смѣлый,
И Захаржевскіе-Донцы,

И Хорватъ, что въ степи Уральской
Такъ страшенъ былъ бунтовщикамъ,
Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Филипсталь-
Графъ Паленъ, Зоричъ, Мириамъ — [скій,

И Бенингсенъ, судьбой хранимый
Для битвъ иныхъ, въ странѣ иной,
И графъ Долонъ неустрашимый.
И незабвенный графъ Толстой,

И онъ, достойный сынъ отчизны,
Нашъ славный Дороховъ-герой,
Что совершилъ такъ много въ жизни
Геройскихъ подвиговъ съ тобой!

Вездѣ, гдѣ только бой кровавый
Кипѣлъ губительнѣй, сильнѣй
И звалъ отважнаго за славой,
Сквозь ужасъ тысячи смертей —

Вездѣ онъ былъ — всегда холодный,
Всегда въ губительномъ огнѣ,
Сверкая сталью благородной,
Леталъ на сѣромъ скакунѣ.

Когда жъ къ рядамъ полка родного
Онъ снова несся, какъ стрѣла,
Всегда съ клинка его стального
Струя кровавая текла.

Но и его взяла могила,
Земля холодная взяла...
Но слава имя сохранила
И прахъ его пережила.

Но если онъ и умеръ тѣломъ,
Все духъ его въ насъ не умереть:
И если звукъ трубы предъ дѣломъ
Насъ вновь къ штандартамъ призоветъ,

Тогда, отважные Изюмцы,
Мы вновь помчимся на враговъ,
И пусть извѣдаютъ безумцы,
Все та же ль въ насъ играетъ кровь,

Все такъ же ль гибельны удары,
Какъ прежнихъ рукъ въ былые дни!
И все ль мы прежніе гусары,
Какими знали насъ они!

1851.

Н. В. Гербель.
(1827 — 1883).

**Генералъ-Лейтенантъ
Иванъ Семеновичъ
Дороховъ.**

1762 — 1815.

А. Балашевъ.
„Пѣсни Гусарскія“.

ПОЛКУ.

Тебѣ, мой полкъ, тебѣ, любимый,
Въ твоихъ рядахъ, судьбой гонимый,
Въ больномъ исканьи бурь и грозъ,
Я ихъ нашелъ и перенесъ.

Въ сыромъ окопѣ, на конѣ,
Въ бою, въ покойномъ лазаретѣ,
Съ своей мечтой наединѣ,
Тебѣ слагалъ я пѣсни эти.

То — пѣсни сердца моего!
И, прятать сердца не умѣя,
Я ихъ несу, благоговѣя,
Подъ сѣнь Штандарта твоего!

ИЗЮМЦУ.

Тебѣ! Мы — одного полка!
Въ насъ расцвѣли однѣ печали,
Однѣ насъ думы взволновали,
Одна намъ Родина близка!

ПОСЛѢ БОЕВОГО КРЕЩЕНІЯ.

Я окрещень! — давно желанный,
Счастливыи, незабвенный день!
Ушла былой печали тѣнь
Предъ красотой тревоги бранной,
И въ сердцѣ занялась заря...
Какъ послѣ пролетѣвшей бури,
Яснѣе блещетъ даль лазури,
О горней жизни говоря...
Пустивъ свой челнъ по волѣ рока,
Я шлю привѣтъ сіянью дня,
И внятно радость бытія
Куда-то мчитъ меня далеко...
И расцвѣтаетъ въ сердцѣ вновь
Давно забытое волненье,
Куда-то пылкое стремленье,
Къ кому-то жаркая любовь!

26 ноября 1914.
День Св. Георгія.
Райброть.

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА.

Я раненъ. Каждый день сестра приносить мнѣ
Фіалки нѣжныя, ихъ аромать душистый,
Ихъ лепестки-мечты мнѣ шепчуть о веснѣ
И тихій взглядъ сестры покоится на мнѣ,
Какъ звѣзды дальнія, лучистый...

Мнѣ хорошо съ сестрой, ее зовутъ Анель,
И скромный красный крестъ къ ней такъ легко
подходить,

И кажется, любовь — ея всей жизни цѣль, —
И малой злобы тѣнь къ ней въ сердце не захо-
дитъ...

Какъ я люблю лазурь ея глубокихъ глазъ,
Когда въ нихъ тонетъ взоръ — тревога въ серд-
цѣ таетъ,

И какъ я радъ, когда, въ вечерній тихій часъ,
Какъ ангель, въ бѣломъ вся, она ко мнѣ слета-
етъ...

Мы съ нею говоримъ о многомъ, о войнѣ,
О жизни, обо всемъ, о чемъ заговорится,
Но только не о томъ, что въ сердца глубинѣ
Все съ каждымъ днемъ растетъ и что не мо-
жетъ скрыться...

Какъ можетъ сердце скрыть безъ словъ понят-
ный взглядъ,

Небесный взглядъ очей, какъ звѣзды голубыя,
Слова безмолвныя яснѣе говорятъ,

Чѣмъ всѣ слова любви... мы съ нею, какъ род-
 Но почему вчера она ко мнѣ пришла [ные...
 Грустиѣе, чѣмъ всегда и почему слезою
 Она, ко мнѣ склоняся, мнѣ руку обожгла,
 Лишь только я назвалъ ее своей родною?..
 Сегодня слышалъ я, какъ докторъ ей сказалъ,
 Что мнѣ лежать уже недолго здѣсь осталосьъ,
 Но почему онъ мнѣ такъ крѣпко руку сжалъ,
 И почему Анель ушла и разрыдалась?..
 Мнѣ лучше съ каждымъ днемъ... я словно весь
 въ огнѣ...
 Ужели скоро въ бой!.. о, какъ я буду биться,
 Мой славный, старый Полкъ!.. Анель сказала
 мнѣ,
 Что будетъ за меня всю жизнь она молиться...

 Такъ въ дневникѣ своемъ дрожащею рукой
 Оставилъ онъ вчера послѣднее сказанье...
 Вчера... а поутру... сегодня, за рѣкой,
 Зарыли прахъ его, и льетъ благоуханье
 Могила свѣжая съ фіалками на ней...
 Ихъ принесла Анель... навѣкъ угасли грезы...
 Ея тоска безъ слезъ, лишь строгій ликъ блѣдный,
 Когда разбита жизнь — тогда не льются слезы...

1915.

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА.

Люблю тебя, гусарскій мой пріютъ,
Въ вечерній часъ лампадой озаренный,
Когда на мнѣ мой доломанъ червонный,
Когда мечты чего-то сладко ждуть...
Въ окно глядитъ печальная луна,
И я одинъ съ родной своей гитарой,
Забывъ весь міръ въ цыганской пѣснѣ старой,
И тишины душа моя полна...
И въ тишинѣ встаютъ передо мной
Минувшихъ лѣтъ минушія видѣнья,
Былому я не брошу сожалѣнья, —
Былое — сонъ души моей больной...
Что ждетъ меня? какъ знать? вернусь ли я?
Судьба вовѣкъ не вѣдала запрета, —
Какъ рвется листъ неожиданно въ бурю лѣта,
Такъ, можетъ быть, порвется жизнь моя...
Но, кто любилъ, — о чемъ тому жалѣть?
Я счастья зналъ приливы и отливы,
Я жизнь свою сумѣлъ прожить красиво, —
И не боюсь красиво умереть!

1916.

ГУСАРУ.

Душа гусарской ассамблеи,
Люблю, когда въ вечерній часъ
Ты красотой своей затѣи
Невольнo увлекаешь насъ,
Когда, найдя забвенье въ чарѣ,
Ты взоромъ всѣхъ насъ обведешь
И рѣчь гусарскую ведешь,
Тоскуя по быломъ гусарѣ...
Но, другъ, ты мнѣ еще милѣй,
Когда, въ раздумьи, на диванѣ,
Въ своемъ халатцѣ-доломанѣ
Сидишь съ гитарою своею, —
Когда, за пѣсней огневою,
Забывъ, что на исходѣ ночь,
Тоски не въ силахъ превозмочь,
Своей поникнешь головою, —
И заблестятъ твои глаза,
Свою слезу ты молча прячешь...
Гусаръ! ты не напрасно плачешь,
И мнѣ близка твоя слеза!..

1916.

ГУСАРСКИЙ ПРИЮТЪ.

Когда въ завѣтной „штабъ-квартирѣ“
Сойдемся мы въ вечерній часъ,
Тогда, какъ будто въ цѣломъ мірѣ,
Нѣтъ никого помимо насъ.

Въ табачномъ дымѣ, какъ въ туманѣ,
Въ уютѣ дружнаго кружка,
Горятъ родные доломаны
Гусаръ Изюмскаго полка.

Одна насъ жизнь соединила,
Однѣ мечты сроднили насъ,
Одни обычаи намъ милы,
Подчасъ не чуждые проказъ...

Богъ вѣсть, что намъ судьба готовить
На нашемъ жизненномъ пути, —
Пуškai же каждый счастье ловить,
Гдѣ сможетъ счастье онъ найти.

Иной, быть можетъ, не вернется,
Иной крестомъ украсить грудь,
И намъ уже не доведется
Въ приютъ гусарскій заглянуть.

Какъ вешнихъ дней проходятъ воды,
Пройдетъ весна и нашихъ дней,
И вспомнимъ мы былые годы
Мятежной юности своей, —

Какъ мы страдали, какъ любили
Въ быломъ далекихъ, лучшихъ лѣтъ,
Какъ не безжизненно мы жили,
Храня гусарскій нашъ завѣтъ,
Какъ, наше сердце окрыляя,
Взросла Изюмская мечта...
Что насъ сроднило и какая
Насъ вдохновила красота!
И вѣрю, вѣрны долгу, чести,
Сроднивъ Изюмскія сердца,
Мы и въ разлукѣ будемъ вмѣстѣ,
Изюмцы будемъ до конца!

1916.

Я ВНОВЬ СЪ ТОБОЙ!

Я вновь съ тобой, мой полкъ червонный,
Опять — въ семьѣ твоей Родной!
Опять гляжу, замороженный,
На твой могучій, славный строй!

И вновь въ душѣ моей свѣтаетъ,
И снова даль меня зоветъ,
И сердце снова забываетъ
Свои невзгоды и поетъ...

1916.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Разлуки нашей неизбѣжной
Ужъ, чуетъ сердце, близокъ часъ,
Судьба навѣкъ разлучить насъ,
Разбивъ надежды безнадежно...
И, можетъ быть, когда-нибудь,
На эти блѣдныя страницы
Опустишь ты свои рѣсницы
И склонишь голову на грудь,
Взглянувъ на прошлое... родная!
Какъ незакатная звѣзда, —
Оно осталось навсегда,
Больное сердце озаря...
Съ улыбкой тихой, не скорбя,
Ты вспомни пылкаго гусара,
Что расточилъ не мало жара,
Но полюбилъ одну тебя!...

1916.

КЪ ПОРТРЕТУ ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Какъ часто въ эти дни, беспомощно болѣя
За счастье Родины измученной моей,
Я на тебя гляжу съ тоской, благоговѣя,
И мыслю о тебѣ, гусаръ далекихъ дней!
На саблю опершись, безпечно-величавый,
Ты, какъ живой, стоишь въ мечтахъ передо мной.

Задоромъ тѣшить взоръ свидѣтель громкой сла-
вы,
Товарищъ жаркихъ дѣлъ, твой ментикъ боевой.
Ты въ жизни все свершилъ для Родины любимой,
И — воинъ, и — поэтъ, — равно ты отдавалъ
Отчизнѣ жизнь свою, и рокъ неотвратимый
Безсмертный образъ твой безсмертьемъ увѣн-
чалъ.
Когда-бъ ты ожилъ вдругъ, когда-бъ ты вдругъ
увидѣлъ,
Какъ твой родной народъ Россію погубилъ, —
О, какъ бы ты тогда его возненавидѣлъ,
И проклялъ бы его, и, вѣрно-бъ, не простилъ!
Ты-бъ не стерпѣлъ, гусаръ, ты вѣрно-бъ саблю
вынулъ,
Вскипѣвъ душой... за что? къ чему святой по-
рывъ? —
Въ тебя-бъ Искріотъ со злобой камень кинулъ,
Великій подвигъ твой измѣной окрестивъ...
Я радъ, что нѣтъ тебя, герой неутомимый,
Теперь такимъ, какъ ты, въ Россіи мѣста нѣтъ...
Ты въ жизни все свершилъ для Родины любимой,
Спи безмятежнымъ сномъ, гусаръ далекихъ
лѣтъ!...

1917.

НА ВОЗРОЖДЕНІЕ ПОЛКА.

Нѣтъ! ты не умиралъ, мой славный старый
полкъ!

Какъ встарь, твой ратный стягъ — сѣдой Штан-
дартъ съ тобою!

Нѣтъ, ты не умиралъ, ты лишь на мигъ умолкъ,
Какъ мощный вихрь, въ затишьи предъ грозою...
Умолкъ. Но грянулъ громъ надъ Русскою землею!
И вѣренъ Родинѣ, единъ въ своихъ порывахъ,
Ты первый посѣдлалъ коней своихъ ретивыхъ
И первый ты помчался въ бой!..

Я вѣрю, красный врагъ падетъ изнеможенный,
И вновь средь мрачныхъ тучъ пробьется синева,
И синій ментикъ твой и доломанъ червонный
Увидить вновь спасенная Москва!

Москва!.. впередъ, мой полкъ! туда, къ Перво-
престольной,

Гдѣ, подъ напѣвъ Іудъ, рѣкою льется кровь...

Туда, гдѣ, наконецъ, за пѣсней колокольной,

Сроднить сердца всеильная любовь...

Ты живъ, въ твоихъ сынахъ живутъ герои дѣды!

Прейсишь-Эйлаускій крестъ не можетъ потуск-
нѣть!

Ты — живъ! и не умрутъ вовеѣкъ твои побѣды,
Какъ красота не можетъ умереть!

СКОРБЬ.

Въ вопросахъ чести непреклонный,
Въ бою, какъ въ сказкѣ, чародѣй, —
Любимый полкъ, мой полкъ червонный,
Ты — гордость Родины моей!
Вдали отъ битвъ, съ тобой въ разлукѣ,
О дняхъ минувшаго скорбя,
Я въ каждомъ ратномъ, смѣломъ звукѣ,
Какъ будто чувствовалъ тебя!
И вотъ, въ годину лихолѣтья, —
Гусарь, поэтъ, цыганъ душой, —
Я — твой, и счастливъ умереть я
Съ крестомъ, дарованнымъ тобой!
Увы... тоскуя по быломъ,
Съ душой мятежной, нараспашку,
Не занесу я лихо шапку,
Какъ въ дни былые, надъ врагомъ, —
Ужъ я не тотъ, больной, усталый,
Я только пѣснью отъ души
Служу тебѣ, мой полкъ, въ тиши,
Съ мечтой о битвахъ запоздалой...

1920.

ИЗЮМЦУ.

Полк. М. А. Пѣтухову.

Гусаръ, люблю рѣчамъ твоимъ
Внимать вечернею порою, —
Владѣешь ты моей душою,
И я живу пережитымъ...
Молчать душевныя невзгоды,
Я весь горю, передо мной
Проходятъ яркой чередой
Былыхъ временъ былые годы...
И вижу я, какъ бы во снѣ,
Гусара обликъ горделивый,
Стрѣлой несется конь ретивый, —
Тебя я вижу на конѣ! [тенѣ, —
И весь — порывъ, и весь — смя-
Прекрасенъ ты! пророчить взоръ
Врагу — суровый приговоръ,
Отчизнѣ — славу и спасенье!...
Гусаръ червонный, это — ты,
Лихой гусаръ, воспѣтый мною,
Ты не теперь рожденъ душою,
И — тамъ, въ быломъ, твои мечты.
Теперь — изгнанникъ, на чужбинѣ,
Въ тоскѣ по Родинѣ своей, —
Ты такъ же свято вѣренъ Ей,
Своей негаснущей Святынѣ!

Терпи, гусаръ, — она пройдетъ,
Година злого наважденья,
Найдутъ исходъ твои стремленья
И вновь помчишься ты впередъ...
Блеснутъ побѣдныя зарницы,
Растопчетъ Родина твоя
Покровы страшной багряницы, —
И вновь украсятся страницы
Изюмской книги бытія!...

1921. Галлиполи.

О ГАЛЛИПОЛИ.

Въ тоскѣ томительнаго рвенья
Отраднo сердцу вспоминать
Галлиполійское сидѣнье,
Гдѣ научился я желать,
Гдѣ духъ усталый закалялся,
Гдѣ величаво развивался,
Зовущій къ Родинѣ маякъ, —
Родной трехцвѣтный Русскій флагъ!
Гдѣ такъ мучительно ловила
Душа дыханье лучшихъ дней,
Гдѣ мука Родины моей
Любить до муки научила, —
И гдѣ я далъ себѣ обѣтъ,
Что безъ Россіи — жизни нѣтъ!

1931.

КЪ ПОРТРЕТУ ИЗЮМЦА.

Ротм. К. Н. фонъ Розеншильдъ Паулинъ.

Далекій другъ, къ тебѣ съ привѣтомъ
Невольнo мысль моя летитъ, —
Любуюсь я твоимъ портретомъ,
Онъ столько сердцу говорить!
Глядишь ты вдаль спокойнымъ взоромъ,
(Тогда не зналъ ты жизни ранъ) —
И чуденъ ментикъ подъ узоромъ,
Что свилъ гвардейскій филигранъ.
Рука — на гардѣ золоченой,
Фуражка алая въ рукѣ, —
Прекрасенъ ты, гусаръ червонный,
Въ своемъ прекрасномъ далеѣ!...
Оно ушло... и — на чужбинѣ —
Неугасимою мечтой
Стремишься ты къ своей Святынѣ,
Иной плѣняя красотой...
Теперь — не въ ментикѣ расшитомъ,
Не съ саблей острою въ рукѣ —
Тоскуешь ты о пережитомъ,
Но не поддашься ты тоскѣ!
Нѣтъ, закаленный испытаньемъ,
Глядишь упорно ты впередъ, —
Гусаръ, гордись своимъ страданьемъ,
Оно напрасно не пройдетъ!...

Я знаю чѣмъ ты пламенѣешь,
Что такъ ревниво бережешь,
За что мучительно болѣешь,
Во что ты вѣришь, чѣмъ живешь!
Меня застигла та же вьюга,
Одной мы боремся борьбой, —
Прими привѣтъ гусара-друга
И знай, что я всегда съ тобой!

1936.

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ... Тучи за окномъ
Нависаютъ тяжело...
Мы опять съ тобой вдвоемъ,
Алая фуражка...
Потускнѣлъ твой алый цвѣтъ,
Поблѣднѣли канты, —
Безъ Россіи жизни нѣтъ,
Мы, вѣдь, — эмигранты...
Было время, набекрень
Лихо ты носилась,
Яркимъ днемъ смѣнялся день,
Пылко сердце билось...

Чаровали душу мнѣ
Пѣснями цыгане...
Только вспомню... въ тишинѣ
Слышу голосъ Тани: —
„Это — ты! я узнаю
Алую фуражку
И гусарскую твою
Душу нараспашку!“...
Только... разъ... ея слеза
Обожгла мнѣ руку
И печальные глаза
Разсказали муку...
Знать нерадостный удѣлъ
Сердце угадало...
„Тэракхэл тут о Дэвэл!“ — *)
Таня прошептала...
Мы ль не знаемъ, сколько мукъ
И мятежной были
Мы съ тобой, мой алыѣ другъ,
Вмѣстѣ пережили...
Сколько тернѣй мы прошли
По чужимъ дорогамъ...
Разсказать бы мы могли
Про себя о многомъ...

*) Цыганское: „Да хранить тебя Господь!“

Но къ чему? не за Нее-ль
Съ Нею мы въ разлукѣ?...
И сравнится-ль наша боль
Съ бездной Русской муки?...
День за днемъ, за валомъ валъ,
Волны жизни пѣнить...
Но — гусарскій въ насъ закалъ!
Сердце не измѣнить!
Вѣрить сердце, день придетъ, —
Будетъ кличъ „По конямъ!“ —
Подойдетъ и нашъ чередъ,
Духа не уронимъ!
Соберется вся Семья
У сѣдинъ Штандарта,
И побьется, вѣрю я,
Вражеская карта!
Зашумитъ священный шелкъ,
Воротитъ потерю...
Вѣрю въ Правду! Вѣрю въ Полкъ!
И въ Россію вѣрю!

1936.

ПОЛКЪ.

Я помню Бандровъ... утро марта,
Дощатой церковки уютъ,
Красу Изюмскаго Штандарта
И пылъ волнующихъ минутъ...
И зовы жизни молодые,
И это солнце впереди...
Счастливый день... тогда впервые
Блеснулъ Георгій на груди!...
И по тому, какъ сердце билось,
Какъ голосъ грусти въ немъ умолкъ,
Я понялъ, чѣмъ оно плѣнилось, —
Какая пѣсня въ звукѣ Полкъ!
Мой Полкъ... всего одно лишь слово,
Но въ сердцѣ выжжено оно,
Въ своемъ значеніи вѣчно ново,
До смерти съ жизнью сроднено...
И здѣсь, въ больной тоскѣ изгнанья,
Онъ то же сердцу говоритъ, —
Отъ одного его названья
Душа восторженно горить!
И пусть для многихъ я — безумецъ,
Неисправимый Донъ-Кихотъ, —
Горжусь, горжусь, что я Изюмець!
И — живъ мой Полкъ! и не умереть!

1936.

ГЕРБЪ ПОЛКА.

Чудный слѣдъ задумчиваго взгляда,
Дорогою вышитый рукой, —
Гербъ Полка — три кисти винограда —
Знакъ любви, подаренный тобой...
Я слѣжу въ раздумьи за узоромъ,
Вспоминаю чудные глаза...
Подъ твоимъ, твоимъ небеснымъ взоромъ
Созрѣвала каждая лоза!..
Этотъ взоръ такъ мало видѣлъ весенъ,
Въ міръ иной давно ты отошла
И тетрадь моихъ гусарскихъ пѣсенъ
Ты съ собой, какъ друга, унесла...
Тишина... смирять грусть лампада...
Мягкій лучъ спокойнаго огня
Озаряетъ кисти винограда...
Вѣчный другъ! души моей отрада!
Помолись, родная, за меня!..

1936.

Офицеръ и унтеръ-офицеръ
Изюмскаго Гусарскаго полка.
1797 — 1801.

КОРНЕТУ.

Часами празднаго досуга,
Въ пылу пріятельскихъ бесѣдъ,
Я полюбилъ тебя, какъ друга,
Мой славный и лихой корнетъ.

За тихій звонъ твоей гитары,
За ночи долгія безъ сна, —
Душа поэта и гусара
Тебѣ останется вѣрна!

1915. В. Л а з а р е в и ч ъ .*)

*) Погибъ во время шторма, при эвакуаціи изъ Керчи, на эскадренномъ миноносцѣ „Живой“.

КЪ ГУСARУ.

Ты полнъ страданія нѣмого,
Повсюду скорбь тебя гнететъ
Воспоминаніемъ былаго, —
И боль въ душѣ твоей растетъ.

Гусаръ, въ минуты омраченія
Ты вспомни Государя ликъ,
Почувствуй глубь Его мученья, —
И успокоишься ты вмигъ.

Иди, гусаръ, иди, какъ прежде,
Своимъ путемъ тернистымъ гордъ,
И, — вѣренъ вѣрѣ и надеждѣ, —
Верши свой долгъ, спокоенъ, твердъ.

1922.

И. Бѣляевъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

На гусарскіе погоны,
Что зигзагами горять,
И на шпоры-тихозвоны
Часто я бросаю взглядъ...

На красавицу лядунку
Съ гордо рѣющимъ орломъ, —
Трубку съ пѣнковою лункой,
И кисетъ мой съ табакомъ, —

На серебряную чарку —
Первый призъ мой полковой,
На розетки, на флюгарку
И султанъ мой дорогой, —

На клинокъ, дамаскъ старинный,
На гвардейскій филигранъ,
Что расшилъ мой ментикъ синій
И мой алый доломанъ...

И всегда, когда взгрустнется
И взгляну вокругъ себя, —
Сердце вздрогнетъ и забьется,
И горить душа моя!...

1923.

Н. Воронинъ.

ЗВѢЗДА.

Бду одинъ я унылой дорогою,
Конь мой устало идетъ,
Сердце больное объято тревогою,
Грустную пѣсню поетъ...
Мнѣ вспоминаются дни пережитые,
Пѣсни Изюмскихъ гусаръ,
Взоры отважные, лица открытыя,
Говоръ серебряныхъ чаръ...
Сколько красиваго, рыцарски смѣлаго
Годы невзгодъ унесли...
Гдѣ вы, питомцы гнѣзда опустѣлаго?
Гдѣ вы? куда вы ушли?...
Въ дали уходятъ поля бѣлоснѣжныя,
Въ небѣ зажглася звѣзда, —
Въ сердцѣ зажглися порывы безбрежные,
Сердце несется туда!...
Вѣрить душа моя, — сгинетъ жестокое!
Пѣсня унылая, прочь!
Живо прекрасное! Близко далекое!
Кончится Русская ночь!

1924.

Н. Воронинъ.

Я ВѢРЮ.

Еще тяжелый годъ изгнанья
Прошелъ, и смотритъ Новый годъ...
Но насъ не сломятъ испытанья, —
Я вѣрю, Русскій часъ придетъ!

Насъ близить каждый день къ раз-
Что такъ томительно мы ждемъ, [вязкѣ,
И мы дождемся Русской сказки
И счастье Родинѣ вернемъ!

Да дастъ Господь намъ разумѣнья,
Терпѣнья, крѣпости и силъ,
Чтобы на путь освобожденья
Нашъ полкъ всегда готовымъ былъ!

Придетъ, Изюмцы дорогіе,
Придетъ желанная пора, —
И грянемъ мы въ родной Россіи
Свое Изюмское ура!

1934.

К. Розеншильдъ.

СЛОВА МАРША РАЗВѢДЧИКОВЪ
5-ГО. ИМЕНИ ИЗЮМСКАГО ГУСАРСКАГО
ПОЛКА, ОТРЯДА. *)

Сыны Изюмцевъ, — мы мыслью горды
Дѣтьми Великой Россіи быть!
Къ завѣтной цѣли идемъ мы твердо,
О ней не смѣемъ мы позабыть!
Нашъ долгъ священный — Руси служенье,
Мы сильны духомъ, Она насъ ждетъ!
Съ горячей вѣрой въ Ея спасенье,
Идемъ мы прямо, глядимъ впередъ!
Всегда и всюду мы будемъ вмѣстѣ, —
Послушны старшимъ, чисты душой,
Мы будемъ вѣрны Изюмской чести,
Готовы къ жертвѣ всегда собой!
Петра завѣтовъ не позабудемъ,
Къ себѣ развѣдчикъ всегда былъ строгъ,
На Русскій подвигъ готовы будемъ!
Вдали — Россія! Надъ нами — Богъ!

1936.

К. Розеншильдъ.

*) Состоящая подъ покровительствомъ
Е. И. В. Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАН-
ДРОВНЫ Национальная Организациа Рус-
скихъ Развѣдчиковъ. (Возгл. полк. П. Н. Бог-
дановичъ).

НАШЪ МУЗЕЙ.

Какъ люблю я въ рѣдкіе досуги
Заглянуть въ музей нашъ полковой,
Отдохнуть душой отъ этой вьюги,
Уносясь въ минувшее мечтой...

Золотымъ расшиты филиграномъ
Ментикъ нашъ и алый нашъ мундиръ, —
Ихъ носилъ, убитый въ полѣ бранномъ,
Нашъ лихой Изюмець-командиръ...

Блещетъ шапка лентой „За отличие“
Надъ Двуглавымъ кованымъ орломъ —
Символомъ Россійскаго величья,
Гордъ султанъ надъ огненнымъ шлыкомъ.

Вотъ погонь, съ зигзагами, гусарскій,
Знакъ полка, Эйлаускій крестъ блеститъ,
И на немъ священный вензель Царскій,
Въ нашемъ сердцѣ выжженный, горитъ...

Командирскій знакъ на острой пикѣ,
Что въ поляхъ Галиціи леталъ, —
Слышалъ онъ гусаръ лихіе клики,
Видѣлъ тѣхъ, кто честно умиралъ...

Вотъ нашъ флюгеръ, алая фуражка,
Пулею пробитая шинель,
Замахнется, вѣрю, эта пашка, —
И близка, я вѣрю, наша цѣль!
Бѣлый крестъ Георгіевской чести,
Рядомъ орденъ Бѣлаго Ора, —
Слава тѣмъ, кто преданъ былъ безъ лести,
И кому ихъ Родина дала.

Предо мной — альбомы полковые,
На меня сыны полка глядятъ, —
Сердце жгутъ страницы боевыя,
Командировъ длинный, славный рядъ...

Со страницы первой горделиво
Смотритъ онъ, нашъ Дороховъ-герой, —
Вѣчный Шефъ, чье имя съ нами живо
Отъ Царя наградой боевой...

На стѣнахъ краса гравюръ старинныхъ,
Формъ полка за много, много лѣтъ,
И волнуетъ душу свитокъ длинный
Всѣхъ его блистательныхъ побѣд!...

Собранъ здѣсь любовными руками
Слѣдъ полка, что Родинѣ своей
Послужилъ почти тремя вѣками
И навѣки вѣренъ будетъ Ей!

А вдали... спасенъ изъ царства Хама
Смѣлою Изюмскою рукой, —
Въ тишинѣ намоленного Храма, —
Славы стягъ, Штандартъ нашъ полковой!

Вѣримъ мы, настанетъ день желанный,
Принесемъ мы Родинѣ своей
Памятникъ о прошлой славѣ бранной
И залогъ грядущей службы Ей!

1936.

К. Розеншильдъ.

ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ
Л. Н. ВЕЛЬЯШЕВУ.

Тебѣ съ любовью преданъ я,
Нашъ командиръ родной,
И въ этомъ чувствѣ вся семья
Изюмская со мной.

Ты ратной службѣ полкъ училъ
И строгимъ былъ въ строю,
Твоей науки не забылъ
Изюмскій полкъ въ бою.

А на пирахъ ты былъ душой
Веселія гусаръ,
И въ словѣ, сказанномъ тобой,
Горѣлъ гусарскій жаръ.

Война... въ служеньи боевомъ
Ты быстро вознесенъ,
Но полкъ нашъ въ корпусѣ твоёмъ
Съ тобой не разлученъ.

Замость, и Рудичи, и Своязъ,
И Стыри переходъ...
Спасибо Царское принесть
Рафаловскій налетъ...

И чтимъ мы память этихъ мѣстъ,
Твоихъ лихихъ побѣдъ,
И твой Георгіевскій крестъ —
Ихъ незабвенный слѣдъ.

Дань сердца полкъ тебѣ воздалъ
Оружьемъ золотымъ, *)
Твой путь для насъ примѣромъ сталъ,
И мы гордимся имъ.

Конецъ войнѣ, конецъ... не тотъ,
Что страстно ждали мы,
Не окружилъ тебя почетъ
Твоей родной страны,

Полка не видишь ты въ строю,
Но, знай, мы живы имъ, —
Себя мы чувствуемъ въ бою,
И вѣримъ, — побѣдимъ!

И въ тяжелой долѣ этихъ дней,
Что намъ дана судьбой, —
Ты сталъ намъ всѣмъ еще роднѣй,
Нашъ командиръ былой!

1936. К. Розеншильдъ.

*) Поднесено офицерами полка.

Оберъ-офицеръ и унтеръ-офицеръ
Гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда полка.
1826 — 1828.

ПЪСНИ ДРУЗЕЙ.

ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ.

27 января 1807 г.

Столѣтіе боя.

Памяти моихъ дѣдовъ: Изюмскаго гусара
П. Ѳ. Норцова и кирасира Военнаго Ордена
А. Т. Слѣпцова.

Передо мной встають отцы
И вы, о пламенные дѣды —
Эпохи доблестной творцы,
Питомцы славы и побѣды!...
Въ своихъ сердцахъ почтили васъ
Благоговѣющіе внуки,
Я слышу топотъ конныхъ массъ
И трубъ воинственныхъ звуки.
О, славный вѣкъ богатырей,
Лихихъ рубакъ во встрѣчѣ спорной!
Они бы умерли скорѣй, [ной.
Чѣмъ сдаться въ плѣнъ толпой позор-

О, дивный циклъ могучихъ сѣчъ
И вашихъ подвиговъ, герои!
Вы поднимали грозный мечъ,
Какъ Ахиллеса вѣка Трои!
Вы надѣвали ордена
На свой колетъ иль ментикъ шитый
И шли въ атаку, какъ стѣна,
Какъ бурный вихрь, грозой повитый!
Вы честью ставили съ врагомъ
Лицомъ къ лицу на бой сходиться,
Лѣзть чортомъ прямо на проломъ,
И сквозь штыки въ каре врубиться...
Еще едва зажглась заря
И заревѣли гулко пушки,
Ужъ вы, отвагою горя,
Готовы, уши на макушкѣ.
Идетъ герой Багратіонъ,
За нимъ въ штыки идутъ герои,
За батальономъ батальонъ,
Равняясь въ ногу въ строгомъ строѣ,
И все предъ нимъ ложится въ прахъ —
Подъ барабаны и литавры
Изъ стѣнъ Эйлау выбить врагъ
И новый лавръ вполетаютъ въ лавры;
Изюмскій полкъ, мечты быстрѣй,
Черезъ мостъ несется грозной тучей
И гонить конныхъ егерей,
Не опуская къ славѣ случай.

Изюмцамъ данъ завѣтъ лихой:
До боя полкъ беречь, какъ око,
А пробилъ часъ и грянулъ бой —
Рубить безъ усталы, безъ срока.
Гремитъ пальба, летитъ ядро,
Мятель въ лицо врага встрѣчаетъ
И гибнетъ корпусъ Ожеро,
Знамена гордыя теряетъ;
Вбѣгаетъ пылкій батальонъ
Въ погостъ средь воющей мятели, —
Тамъ съ свитой самъ Наполеонъ ...
Его едва спасти успѣли,
Его едва трехгранный штыкъ
Не пригвоздилъ къ землѣ нѣмецкой...
О, дѣды! русскій такъ привыкъ
Васъ видѣть въ схваткѣ молодецкой!
Гвардейцевъ храбрыхъ и Даву
Бьютъ павлоградскіе гусары,
Врага на мерзлую траву
Разятъ могучіе удары;
Во флангъ дивизіи Груши
Летитъ Военный Орденъ лавой,
Французовъ лупить отъ души,
Беретъ орла, роднясь со славой;
Суровъ громадный кирасиръ,
Сердито схмутивъ свои брови,
За бѣлый орденскій мундиръ
Умретъ съ послѣдней каплей крови;

Поднявъ свой рыцарскій палашъ,
Онъ рубить все въ карьерной встрѣчѣ, —
Онъ витязь гордый, чести стражъ,
Онъ самодержецъ въ этой сѣчѣ.
Кипитъ геройская борьба,
Здѣсь рубить мечъ, тамъ штыкъ пронза-
Труба звучитъ, гремитъ пальба, [еть,
Отвага подвиги дерзаетъ.
О, дѣды! чудныхъ этихъ дней
Покрыла мантией васъ слава,
Безсмертьемъ вы сроднились съ ней
Во имя доблестнаго права.

А. Норцовъ.

Тамбовъ.

27 января 1907 г.

Приведенное стихотвореніе взято изъ историческаго очерка А. Н. Норцова: „Норцовы — Изюмскіе гусары“ (Тамбовъ. 1911), посвященнаго авторомъ — потомкомъ Изюмцевъ — „Доблестнымъ Изюмцамъ ко дню 260-лѣтія полка“.

ИЗЮМЦУ.

Другу дней свѣтлой юности.

Мечтой гусарской окрыленный,
Гусарскій духъ боготворя,
Глядя на доломанъ червонный,
Святую пѣснь слагаю я.
Смотрю на ментикъ твой расшитый,
Не разъ дивившій славой свѣтъ,
И струны лиры позабытой
Невольно трогаетъ поэтъ.
И сквозь аккорды боевые
Къ тебѣ несется мысль моя...
Хотѣлъ бы звѣзды золотыя
Сорвать я съ неба для тебя;
Хотѣлъ бы пѣснею могучей
Воспѣть, преданіе храня,
Твой ментикъ, сотканный изъ тучи,
Изъ вражьей крови и огня.
Гусаръ, за мной! на ладъ, на прежній,
Мы грянемъ пѣсню о быломъ,
Пусть духъ гусарскій, духъ мятежный
Зажжется въ насъ былымъ огнемъ!
На крыльяхъ пѣсни, пѣсни славы,
Умчу тебя я въ глубь вѣковъ,
Спою про бранныя забавы
И расскажу про стариковъ.

Степенный ритмъ и ладъ былины
Да воскресятъ иные дни,
Бойцовъ забытыя сѣдины,
Очей безсмертные огни.
Пускай же звонкую гитару
Разбудить вольная рука,
И гимнъ Изюмскому гусару
Пѣвецъ споетъ издалека ...
Смотри, вотъ призракъ твой мятеж-
Въ окровавленномъ чекменѣ [ный
Летитъ равниною безбрежной
На распластавшемся конѣ.
Скажи, въ какой безумной схваткѣ,
Казакъ, не тѣшилъ ты себя,
И на чеканной рукояткѣ
Чью кровь не вижу у тебя?
Въ разгаръ лихой казачьей битвы
Кого съ сѣдла ты не валилъ,
И чью горячую молитву
Твой слухъ побѣдный не ловилъ?
А вотъ, сквозь зарево пожара,
Съ струею алой на клинкѣ,
Тѣнь легендарнаго гусара
Мелькаетъ въ лавровомъ вѣнкѣ.
Твои стальные эскадроны,
Гусарь, гдѣ не были съ тобой,
И чьи священные знамены
Не рвали дерзкою рукой?

У волнъ чарующихъ Лимана,
И у Лифляндскихъ береговъ,
И на вершинахъ Дагестана
Изюмскихъ видѣли орловъ.
Татары, турки и калмыки,
Поляки, шведы скажутъ намъ
Про то какъ колютъ ваши пики
И сабли рубятъ пополамъ.
Въ свои священныя скрижали
Не вы-ль, герои, ужъ давно
Рукой побѣдною вписали:
Кермень, Пултускъ, Бородино?!
Сквозь дымъ кремлевскаго пожара
Ты гналъ французскую орду
И саблей русскаго гусара
Платилъ въ Двѣнадцатомъ году.
Твоею властною рукою
Корона сорвана и тронъ,
И, непреклонный, предъ тобою
Склонился самъ Наполеонъ.
Порфиноснаго безумца,
Смѣясь, ты генія лишилъ,
Подъ пѣсни буйныя Изюмца
Парижъ ворота отворилъ.
Вотъ, почему, гусаръ червонный,
Твое преданіе любя,
Поэтъ колѣнопреклоненный
Слагаетъ вирши про тебя.

Вотъ, почему про ментикъ шитый,
Какому въ мірѣ равныхъ нѣтъ,
На струнахъ лиры позабытой
Съ тобой бесѣдуетъ поэтъ.
Ужъ близокъ день, коптитъ лампада,
Усталъ измученный баянъ...
Еще послѣдняя баллада
Про твой побѣдный доломанъ;
Одно правдивое сказанье,
Напѣвъ изъ ветхой старины,
Его да примуть въ назиданье
Твои безсмертные сыны.
Когда отъ синихъ волнъ Дуная,
Съ могилъ замученныхъ славянъ,
Примчалась пѣсня боевая —
Одѣлъ ты шитый доломанъ.
И отточивъ рукой привычной
Кривую саблю на брусѣ,
Пошелъ дорогою обычной
Къ далекой, страждущей рѣкѣ.
И, вѣрный дѣдовскимъ преданьямъ,
Ты, какъ безсмѣнный часовой,
Стоялъ желѣзнымъ изваяньемъ
Надъ кровью плещущей рѣкой.
Настанетъ день, и вновь фанфара,
Въ разгаръ пирушки удалой,
Разбудитъ буйнаго гусара
И призоветъ его на бой.

Тогда, какъ нѣкогда бывало,
Завѣты прадедовъ храня,
Подъ звукъ тревожнаго сигнала
Ты лихо сядешь на коня.
Летя къ тебѣ душой свободной,
Зальется пѣсней поэтъ
Про доломанъ твой благородный,
Какому въ мірѣ равныхъ нѣтъ.

1907.

М. Жадкевичъ.

А. В. Б.

Вы — вы гусаръ съ мятежною душою,
Съ бездонной глубиной въ задумчивыхъ
Всегда, всегда въ погонѣ за мечтою, [очахъ,
Съ цыганской пѣсней на устахъ...

Я — для другихъ веселая, живая,
Но не для всѣхъ, для чуткихъ я не та, —
Въ груди тоска, въ душѣ исканье рая,
И божество мое — мечта!...

Меня вчера назвали вы родною,
И правы вы, да, я — родная вамъ, —
Я, какъ и вы, живу одной мечтою,
И я мечтѣ и сказкѣ все отдамъ!...

1917.

Ирина Т.

ТОСТЬ.

Мой тость будетъ тѣмъ, кто не слышитъ ужъ
Кто твердо ушелъ на разсвѣтѣ любви, [тоста,
На подвигъ ушелъ молчаливо и просто
И скрылъ навсегда свою тайну въ крови.
За тѣхъ, кто Жаръ-птицу въ борьбѣ ежеднев-
Иваномъ-Царевичемъ вышелъ искать, [ной
И долженъ былъ кубокъ любимой Царевны,
Своею же кровью наполнивъ, отдать...
За смѣлыхъ, что смерти въ глаза посмотрѣли,
Чья чуткая совѣсть намъ шепчетъ: не спи...
Кому лебединую пѣсню пропѣли
Шрапнели на старомъ курганѣ въ степи...
И память невольною думой обходить
Тотъ холмъ одинокій въ просторѣ степномъ,
Гдѣ вѣтеръ свободный приходитъ, уходитъ...
И пѣсню поетъ о гусарѣ быломъ...

1921.

О л ь г а * * *

АВТОРУ „ПѢСЕНЪ ГУСАРСКИХЪ“.

Родную степь, ковыль сребристый,
Тюльпановъ алые цвѣты,
Просторъ широкій, воздухъ чистый,
Гусаръ, мнѣ все напомнилъ ты!

Аркана свистъ на зоряхъ весенъ,
И топотъ скачущихъ коней,
И шелестъ травъ, и звуки пѣсенъ
Вокругъ пылающихъ огней...

И говоръ трубъ, какъ прежде, нынѣ,
И блескъ сверкающихъ мечей —
Я снова вижу на чужбинѣ
Въ волшебныхъ снахъ моихъ ночей!

1930.

П. Проходовскій.

КЪ 285-ЛѢТНЮ ИЗЮМЦЕВЪ.

Крѣпитесь и вѣрьте, что будетъ разсвѣтъ,
Пожнете вы новую славу,
И полкъ вашъ одержитъ не мало побѣдъ,
Не хуже, чѣмъ Прейсишъ-Эйлау!
Исчезнетъ надъ Русью кровавый туманъ,
И алый заблещетъ опять доломанъ!

1936.

В. Петрушевскій.

АЛОМУ ГУСАРУ.

Изюмецъ, — чести
Боецъ лихой, —
Скажу безъ лести, —
Плѣненъ тобой!
 Въ груди — отвага,
 Въ очахъ — огонь,
 Рѣшимость шага,
 Несется конь...
Лихимъ ударомъ
Клинокъ разить, —
Гусаръ, не даромъ
Ты знаменить!
 Потомокъ славный
 Былыхъ черкасъ, —
 Ты въ бой неравный
 Леталъ не разъ...
Ты духъ исконный
Въ себѣ хранишь, —
Гусаръ червонный,
Ты побѣдишь!

1936. Н. Воейковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ составителя	3
Изюмцамъ. Н. В. Гербеля	7
Полку. А. Балашева	15
Изюмцу. Его же	—
Послѣ боевого крещенія. Его же	16
Послѣдняя страница дневника. Его же	17
Вечерняя дума. Его же	19
Гусару. Его же	20
Гусарскій пріютъ. Его же	21
Я вновь съ тобой! Его же.	22
Въ альбомъ. Его же	23
Къ портрету Дениса Давыдова. Его же.	—
На возрожденіе полка. Его же	25
Скорбь. Его же.	26
Изюмцу. (Полк. М. А. Пѣтухову). Его же	27
О Галлиполи. Его же	28
Къ портрету Изюмца. Его же	29
Вечеръ... Тучи за окномъ... Его же	30
Полкъ. (Благовѣщеніе 1915 г.) Его же	33
Гербъ Полка. Его же	34
Корнету. В. Лазаревича	37
Къ гусару. И. Бѣляева.	38
Воспоминаніе. Н. Воронина	39
Звѣзда. Его же.	40
Я вѣрю! К. Розеншильдъ	41
Слова марша Развѣдчиковъ. Его же	42

Нашъ музей. Его же	43
Генералу Л. Н. Вельяшеву. Его же	45

Пѣсни Друзей.

Прейсишъ-Эйлау. А. Норцова.	51
Изюмцу. М. Жадкевича	55
Вы — вы гусаръ... Ирины Т.	59
Тостъ. Ольги * *	60
Автору „Пѣс. Гусарск.“. П. Проходовскаго	61
Къ 285-лѣтію Изюмцевъ. В. Петрушевскаго	—
Алому гусару. Н. Воейкова	62

СКЛАДЪ ИЗДАВАНІЯ:

B. Popper

Boite postale, 1. Ixelles, 2.

Bruxelles, Belgique.